

Русские писатели в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла

Чешская общественность знакомится с русскими пореволюционными писателями в начале 1920-х гг. Для чехов это был золотой век их истории и культуры: они получили долгожданную национальную независимость, создали государство. В культурной и политической жизни в этот период наблюдаются невиданный до той поры плюрализм и свобода самовыражения. Причем литературные пристрастия как читателей, так и авторов часто были тесно связаны с их политическими взглядами, а иногда ими и определялись.

В качестве примера приведу пример: фельетон 1921 г. талантливого чешского сатирика И. Гауссмана¹, где новость о юбилее Л. Н. Толстого предстает в форме десятка вариаций — в подаче разных современных автору газет. Сатирик таким образом высмеивает идеологические ярлыки, которые публицисты порой вешают на сложных, многогранных писателей. «Народни листы», т. е. «Национальные листы», издание с сильным националистическим уклоном, называет его типичным славянином и здравым националистом. Коммунистическое «Руде право», т. е. «Красное право», — первым бескомпромиссным коммунистом. Национал-социалисты из газеты «Ческе слово», т. е. «Чешское слово», — социалистом-славянином. Католики из издания «Чех» говорят, что он был близок римско-католической церкви. Аграрники из газеты «Венков», т. е. «Деревня», за любовь к земле провозглашают его защитником простого мужика. И так далее. Автор фельетона, безусловно, преувеличивает, но в целом он довольно наглядно изобразил среду, в которой творчество российских / советских авторов переиначивается на все лады.

В такой ситуации имеет смысл дифференцировать выбор переводов и критики русских писателей в зависимости от политической направленности того или иного периодического издания.

¹ *Haussmann J. Tryzna // Pešta P. Satirik převratu Jiří Haussmann. Praha: Atlantis, 1999. S. 238–242.*

Начать разработку этой темы мы решили с весьма многочисленного и влиятельного левого политического крыла, периодика которого представлена большим количеством изданий. В первую очередь, это ежедневная газета, ставшая впоследствии официальным печатным органом коммунистической партии Чехословакии, — «Руде право» (октябрь 1920 — 1945) со своим воскресным литературным приложением «Делница бесидка», где публиковалась поэзия и проза как отечественных авторов, так и зарубежных в переводе, наиболее часто литературными критиками в ней выступают И. Вайль, Й. Гора, М. Майерова.

Далее, еженедельное издание коммунистической партии Чехословакии «Пролеткульт» (1922–1924), которое издавал Антонин Запотоцкий, писатель, будущий премьер и президент Чехословакии, с главным редактором С. К. Нейманном, крупнейшим чешским поэтом; здесь публикуется поэзия, проза, статьи по вопросам марксизма и коммунизма, проблемам воспитания и литературная критика. Журнал насыщен теоретическими материалами и ориентирован скорее на образованную публику.

«Рефлектор» (1925–1929) — журнал большого формата, который также издавал А. Запотоцкий с главным редактором С. К. Нейманном. Журнал выходил дважды месяц и, очевидно, в отличие от «Пролеткульта», был ориентирован на не особо взыскательную публику, другими словами, массового читателя — в нем явно преобладают наглядно-образный материал с фотографиями и агитками на целый разворот, портретами советских лидеров на первой полосе формата А3.

«Делница света» (1909–1940) — журнал Рабочей академии в Праге с воспитательно-просветительской повесткой. Художественные произведения в нем не публиковались, однако критические заметки и рецензии о русской литературе там встречаются часто. Редакция знакомит читателя с системой образования в СССР, приводит статистические данные и сравнивает с показателями в Чехии, рассказывает о музеях и т. п. При отчетливо левой направленности, журнал является продолжателем идеи славянской взаимности и не чужд христианской вере.

«Маяк» (1924–1939) — еще один левый пражский журнал, издававшийся ежемесячно и возникший как преемник издания «Социалистический безбожник». По отбору материалов он близок

«Пролеткульту», здесь печатаются как публицистика советских революционеров и других европейских марксистов, так и художественная литература соответствующей направленности. В отличие от журнала «Делница света» носит явный антиклерикальный характер.

«Социал-демократ» (1919–1920), а затем «Комуниста» (1921) — газета, служившая рупором Социал-демократической рабочей партии. Ввиду того, что она выходила только три года, которые пришлось на первое послереволюционное время, переводов советской литературы и критики там немного. Статьи и заметки по культуре регулярно пишет А. Немы.

На данный момент нам удалось обработать г. «Руде право» (октябрь–декабрь 1920, 1921), ж. «Пролеткульт» (1921–1923 гг.), ж. «Рефлектор» (выпуски 1925/1926, 1926/1927), ж. «Делница света» (1921–1929), ж. «Маяк» (выпуски 1924/1925, 1927/1928, 1928/1929), ж. «Социал-демократ», «Комуниста» (1919–1921).

Россия в этих изданиях в 1920-е годы становится главным объектом интереса — там рассказывают о проблемах молодого советского государства, о его взаимоотношениях с Чехией, о судьбах деятелей и идеологов революции. Первые полосы газет украшены крупными портретами Ленина, Сталина, Зиновьева, Калинина, Дзержинского и др. Особое внимание уделяется проблеме голода в России и возможной помощи со стороны Чехословакии. О художественной литературе СССР более или менее полные сведения стали поступать только к середине 20-х гг., именно тогда сформировался образ советской литературы. Прежде охотнее обращались к революционной публицистике, которая стала доступна в Чехии гораздо раньше. С начала 20-х гг. начали появляться отклики и путевые заметки чехов, съездивших в Советскую Россию, особенно часто встречаются труды таких ведущих писателей, как И. Ольбрахт, М. Майерова, Е. Малиржова; велась полемика с характеристикой Советской России Г. Уэллса.

«Руде право» — ежедневная газета, главное издание Чехословакии левой направленности, политический рупор коммунистов. На протяжении всех 20-х годов, особенно в первой половине, Советской России уделяла редакция особое внимание: ее политической и экономической ситуации, взаимоотношениям с Чехословакией. Искреннее сочувствие редакция проявила в связи с голодом и даже объявила сбор средств в помощь голодающим, а в ноябре 1921 г. под редакцией С. К. Нейманна выходит благотворительный сборник

чешских писателей «Советской Руси», куда вошли произведения малого жанра. Много материалов публикуется и о белой эмиграции, ее деятельности — исключительно в негативном свете. Помимо политической, экономической и новостной части, здесь печатается публицистика, в том числе переводы русских революционеров: Бухарин, Троцкий, Богданов; отдельную рубрику составляют «письма из Москвы», которые редакция брала из советской периодики. Культурную хронику газеты ведут в первую очередь Йозеф Гора (поэт, публицист, переводчик с русского), Иржи Вайль (прозаик, публицист, в начале ярый поборник большевиков, но в 1930-е гг. разочаровавшийся в результатах русской революции) и Мария Майерова (в последствии мэтр социалистической литературы и первопроходец чешского движения за права женщин).

В газете выходят переводы следующих произведений: М. Горький «Как сложили песню» (26.09.1920), «Кузмичи и лукичи» (12.06.1921); Л. Толстой «Разговор с прохожим» (10.10.1920); А. Гмырев «Алая» (10.10.1920); К. Бранцевич (Баранцевич) «[Труд и разум]» (сказка) (23.01.1921); Ф. Сологуб «Нетопленные печи» (17.04.1921); А. Аверченко «Люди» (08.05.1921); Л. Троцкий «Октябрьская революция» (07–12.1921); А. Блок «Я ухо приложил к земле» (18.09.1921); Е. Замятин «Мамай» (04.12.1921); Вс. Иванов «Алтайские сказки» (25.10.1921).

Значительно чаще на страницах газеты появляются критические заметки о русских литераторах. 8 октября 1920 г. публикуется некролог на смерть путешественника, исследователя Сибири и писателя Г. Н. Потанина, неоцененного царской властью.

24 октября того же года печатается рецензия на постановку «Касатки» А. Толстого (премьера состоялась 22-го числа) в Национальном театре в постановке Я. Гурта — автор заметки говорит, что такого типа пьесы очень близки чешскому зрителю мягкостью характеров, отдающихся на волю судьбе и забывающих о себе ради счастья других, что представляет типичный образ славянского интеллигента.

13.02.1921 выходит рецензия на книгу Мельниковой-Папоушковой о русской литературе и психологии «Осколки», автор которой была русской по происхождению и придерживалась антибольшевистских взглядов. Чешский критик Й. Гора отмечает политизированность ее взглядов, связывая это со спецификой русской литературы вообще, и глубокое проникновение (как в литературу, так и

в критику) религии с ее образностью — обе эти черты делают сложной для понимания чехов русскую культуру; в целом рецензия была положительной и показывает интерес к книге.

15.04.1921 выходит статья Вайля «Русский пролетарский театр», где автор рассказывает о П. М. Керженцеве, преодолевшем кризис традиционного буржуазного театра, который в погоне за деньгами ориентируется на вкусы публики, и создавшем нового актера, близкого народу.

12.05.1921 выходит заметка о Т. Шевченко как предвестнике социальной революции.

18.08.1921 публикуется краткий, но чувственный некролог на смерть А. Блока, знакомого чешскому читателю по постановке «Двенадцати» в пражском Швандовом театре (май 1921). Автор заметки сокрушается, что для нападок на Советскую Россию периодические издания используют смерть поэта, называет его мягким и чистым лириком, не побоявшимся поддаться вихрю революции, в отличие от таких, как Мережковский, которые насылают на Россию Антихриста. Позже вышло краткое сообщение о похоронах поэта (30.08.1921).

18.09.1921 публикуется некролог на смерть С. Городецкого за авторством Вайля, где говорится о еще одной невосполнимой утрате после смерти Блока, для автора заметки скончавшийся был поэтом революции — больше половины текста критик посвятил его революционной деятельности, оставив творчество на втором месте.

Печатается ряд материалов Вайля о Маяковском: сначала рецензия на «Мистерию Буфф» (22.04.1921), где автор высоко оценивает художественный уровень, называя произведение революционным и по форме, и по содержанию и сравнивая его с античной драмой, ее хором; затем рассказ (19.05.1921) о постановке этой пьесы в режиссуре Мейерхольда, которому удалось сделать массовые сцены и стереть границу между зрителем и актером; вскоре (10.06.1921) выходит и рецензия на «150 000 000» в чешском переводе — эпопею о русской революции, подобную «Иллиаде», воспевающую страдания и победы русского народа.

27.04.1921 публикуется статья Вайля «Сельская революционная поэзия», среди подлинных сельских поэтов, представляющих традиционную крестьянскую культуру, автор выделяет Клюева, Есенина и Орешина, называя первого из них самым талантливым, художе-

ственно искушенным и одновременно революционным, приводя как вершину его творчества «Песнь солнценосца», остальных же считает «сектантами»: Есенина — мечтающим о сельской идиллии и достигающим своего творческого пика в революционной поэзии, Орешина — наименее талантливым, но таким же революционным, как Клюев — но всех троих критик представляет новым явлением крестьянской культуры, не пассивными мужиками, но борющимися за свободу.

01.05.1921 выходит краткая положительная рецензия Вайля на книгу Г. Устинова «Трибун революции».

25.09.1921 выходит рецензия Вайля на «Красную звезду» Богданова, которая, по мнению критика, выполнила свою функцию по пропаганде социализма в народе России, автор надеется, что и в Чехии роман будет иметь такой же успех и воздействие.

09.10.1921 выходит рецензия Вайля на пьесы Луначарского, критик отмечает глубокую связь драматурга с традиционной русской культурой, расположенность к символистам и склонность к эклектике (в драме — он восхищался как мхатовцами, так и театром Мейерхольда). Вайль выделяет пьесу Луначарского «Оливер Кромвель» — о непреклонном революционере, идущем напролом несмотря ни на что, кроме того, чехам она интересна еще и тем, что автор называет гуситов предшественниками Кромвеля, а значит и русской революции.

01.11.1921 к столетнему юбилею со дня рождения Ф. М. Достоевского публикуется заметка Вайля, который называет русского писателя учеником Руссо и исследователем сознания мещанства и городской надреальности, его мир — мир проституток, униженных и одиноких людей, поэтому он дорог читателю и сейчас — когда исполнилась мечта русского писателя об освобождении человека, таким образом критик искусно подгоняет творчество Достоевского под свою идеологию.

28.12.1921 по поводу юбилея Достоевского выходит еще один материал о том, как годовщина праздновалась в России и как его воспринимает Луначарский (речь в Политехническом музее): вера Достоевского — не вера в личного бога, а вера в широком смысле, вера в людей, он глубокий лирик, а не психолог и не аналитик, такой писатель был необходим России, чтобы понять, какие силы и мечты таятся в ее недрах и что сила рождается из пролитой крови.

11.12.1921 выходит еще одна заметка Вайля — к столетию со дня рождения Н. А. Некрасова, первого русского гражданского поэта, великим он не был, но стал первым из тех, кто внес социальный протест и сатиру в поэзию, больше всего его талант проявляется там, где изображены страдания простого народа, и неважно, что лишь несколько из его стихотворений по-настоящему художественно ценны.

Вайль также следит за жизнью русских писателей, например в заметке «Литературная жизнь в Москве» он рассказывает о литературных средах в Доме печати, акциях петроградского Дома искусств, деятельности Клуба всероссийского союза поэтов, Союза деревенских писателей, Пушкинского дома и т. д. (08.05.1921, 29.05.1921, 19.06.1921).

Советская Россия открывает чехам восточную экзотику — это видно по выбору художественных произведений для переводов, об этом свидетельствует, к примеру, рецензия Вайля (12.06.1921) на сборник статей «Литература Востока» (Петроград, 1920), где литература Востока предстает перед западным читателем с новой стороны, показывается ее особая художественная ценность.

В связи с гастролями МХАТа в пражском Театре на Виноградах печатаются рецензии на их постановки: «Осенние скрипки» И. Сургучева (14.05.1921) — автор недоумевает по поводу выбора произведения, поверхностной истории супружеской неверности, но исполнение оценивает высоко; «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского (15.05.1921) — М. Майерова оценила бы спектакль как дань гению, которого в современном мире обычному человеку недосуг перечитывать, однако инсценировка русских гостей всех поразила и минималистскими декорациями, и сниженностью образов; в следующем материале Майерова дает портреты русских актеров (05.06.1921), а чуть позже (10.06.1921) Вайль рассказал о вечерах декламации М. Н. Германовой (одной из актрис, не вернувшихся на родину, оставшись в эмиграции), где читали Тургенева, Бальмонта, Тютчева, Пушкина, Толстого, Шекспира, и В. И. Качалова (16.06.1921), где последний читал А. К. Толстого, Пушкина, Тютчева, Блока, Гумилева, Мицкевича, Л. Андреева, М. Волошина, Шекспира.

12.10.1921 Вайль подводит итоги мхатовским гастролям. Москвичам, по мнению критика, удалось привнести на чешскую сцену утонченный реализм, показать совершенной актерской игрой человека просто как человека, однако их недостаток — превалирование

индивидуального над коллективным; в то же время Вайль отмечает их стойкость к политическим провокациям и с одобрением отзывается о выступлениях Качалова перед рабочими на заводах.

06.10.1921 выходит очень одобрительная рецензия Майеровой на постановку Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского».

Дискуссии о русском искусстве и литературе велись на заседаниях Общества чешско-русского единения — об этом пишет Вайль (03.07.1921): дебаты о русском искусстве начал Борис Соколов, заявив, что оно находится в полном упадке и большевизм задушил его идеализмом, и тем самым вызвав бурю возражений со стороны чехов (Э. Радл, О. Фишер и др.), приводившие как пример поэзию Блока и Маяковского, и Р. Якобсона, который усомнился в том, что оппонент знаком с современной русской литературой.

20.07.1921 выходит заметка о протесте Горького против злоупотребления в целях антисоветской пропаганды его просьбой о помощи российским ученым.

16.09.1921 печатается материал об Айседоре Дункан, которая выразила несогласие с Г. Уэллсом насчет России, но политически отказалась интерпретировать революционные события, поскольку Москву восприняла как деятель искусства: для нее этот город чудо по сравнению с Европой, увязшей в мелком стяжательстве, и русская революция сопоставима с распятием Христа.

Опубликованы переводы с русского литературной критики: Луначарский «Храм или мастерская» (20.10.1920); Горький «Революционная Россия и мировая литература» (07.11.1920), [Из «Заметок о мещанстве»] (09.08.1921); А. Богданов «Из книги “Пролетарская критика”» (20.11.1920).

Číslo 136.

PŘÍLOHA RUDÉHO PŘÁVA

Strana 1.

DĚLNICKÁ BESÍDKA

LITERÁRNÍ PŘÍLOHA RUDÉHO PŘÁVA

Petr Bezprá:

„Posílám vám z dalky pozdrav,
mé dědiny, černé domky...“

Vesničky zapadlé a tiché,
s bídou a s bezmezným hořem
a Samory a u Syzraně a u Nikolajevska
a od Kazaně přes Bugulmu k Ufě,
chaty ze slámy a z hlíny,
bez veduchů a beze světla
přes Ural při magistrále z Tajgy do Bajkaly,
dédiny správně a zbludně a zbrácké,
bez naší kultury a bez naší civilizace,
se svojí vírou, se svou prací a kletbou,
se svým nepochopitelným pro nás duchem
a se svým pro nás nedokonalým žitím,
se svým zvláštním radostím
a se svým pro nás t-ji,
dédiny v Povolží, v Urale, v Sibiři,
vzpomínám na vás!

Když jsme — bez domu vyhnanci bédnt —
bloudili světem,
když jsme neměli do čeho zahálet nahé dý,
když jsme nemohli nikde zhrát duše,
když jsme zmrli bez kousku chleba,
za dveře vašich chat jsem žebrot,
k vašim mužikům přišli jsme prosit,
vy jste nás přijali s dohodnou důvěrou,
pod vašimi střešami v teple jsme spali,
s vámi jsme jedli z jedné misky,
s vámi jsme dýchali plácem a prach
nevinných, bez světla dír,
s vámi jsme se topili v bahně stepi,
s vámi jsme snášeli zbrácký osud
a vším mužiků velkou kletbu.
Vy jste byly našim jediným útěchtem,
když nás k vám hořila bídní vlna,
vy jste nás skrývaly, když nás pronásledovali
mušci z dědin druhých,
vy jste nám dávaly své koně a vozy,
když jsme se zachraňovali z prohraných bitev,
vy jste nás omyvaly z černého prachu
válečného pole,
vy jste nám obvažovaly rány,
vy jste trpěly za nás, když jsme vás
ztratili v boj...

Na vašich hřbitvech bez ohrad, bez dna
pochovávali jsme zemřelé bratry.
Dédiny dávaly dopředu jejich rakve,
a hroba šlezy vaše ženy
a květa přinesly v mohyly vaše děti...

Dédiny v Povolží, v Urale, v Sibiři,
dédiny bez jména,
dédiny tonoucí v krvi a žluči,
odjíždím od vás, loučím se s vámi.
Dédiny zbrácké, bez naší naší kultury,
bez naší nemravné civilizace,
se svojí náhodou vírou a slávou,
se svou zahanou pro nás láskou,
se svou prací a kletbou,
se svým nepochopitelným pro nás duchem,
se svým pro nás nedokonalým žitím,
vy se osvočujete, vy se probouzíte,
vy už vídte nového života jitra,
ale my v Sibiři v otroctví hynem.
Hynem a hynem a hynem.

Bez domu český syn,
bez jména a bez cíti vyhnance bédný,
nemám do čeho zhrát své rány,
nemohu nikde zhrát své duše,
umírám hladem a žízni.

Chlěl bych zaš aspoň za dveře vašich chat
s zbráckou „ho“
chtěl bych zaš vaše mužiky prosit
o kousek ruského se soli chleba
pro čtrnáct v Sibiři hladových plátek,
o klidnou pláť píť na hadrech matičky Rusi
pro československé vojsko —
Jež nemá, kde by v Sibiři sklonilo hlavy.
A šel bych radš topit se do bahna vašich stepi,
šel bych radš do vašich z hlíny a slámy dír
bez světla, vzduchu,
i kdybyste nás již neukrývaly
před zoufalými mužiky z dědin druhých,
i kdybyste nám nedávaly svých konů a vozů
a mléka a chleba a lože a léků...

Šel bych radš k vám, dédiny bez naší kultury
a bez naší civilizace, s nedokonalým pro nás
žitím,
jen kdyby aspoň mužici vaši
doprovázeli naši rakve
a k hrobům zas přišly se slzami vaše ženy
a květa přinesly
na mohyly v Sibiři božích bojovníků
vaše děti...!

Dédiny v Povolží v Urale, v Sibiři,
dédiny zmrvené naší včlou krvi,
dédiny na věky objímající těla našich zemře-
lých bratří,

políám z dalky vám pozdrav,
vzpomínám na vás!
Co jste za všechno dostaly od nás,
co jsme vám za všechno dali?
Dédiny proletářů, dédiny mučedníků,
dédiny velikých, čistých a poctivých lidí,
dédiny pro svět s nepochopitelným duchem,
s nepochopitelným pro žitím,
a bez jeho kultury a mravů a civilizace,
dédiny zlířku,
dédiny velkého Přísti,
vy už nicte od nás nepotřebujete,
vy už vídte nového života jitra!
My čekáme vašeho slunce,
abychom zhojili své rány,
My čekáme vaše rosy, abychom osvěžili své
duše,

abychom odtřili své svědomí...!
dédiny bez jména,
dédiny umírající v krvi a žluči za celý svět,
za lepší budoucnost všeho lidstva,
dédiny s láskou a milosrdenstvím,
— vy nám odpustíte — !

— „Sibiřské písně“, II.

Josef Gold:

Z ulice.

Už mnoho roků sedává malá scvrklá sta-
řenka na schodech u jedné velké, staré
banky. V jejím spánku roztrhaném šátku,
v roztrhané špinavé sukně, zdá se, že je ku
schodku přirostlá. Je slepá. Zbytky bezbar-
vých jakoby skleněných jejích očí obráceny
ka k nebi, jakoby odnámud něčeho čekala.
Ústa bez rtů. Obličej její má barvu chod-
níku, brumě je vyschlý. Nevzpomíná si již
skoro žádný, poněvadž s chodníkem takto
splyvá. V tenkých vyschlých prstech žmolí
starý sedřený růženec s Kristem na kříži.
Právě pobíhá kolem mladý pes a zdá se, že
ani ten ji nevidí.

Starěnka se ani nehybe, ani myšlenek už
asi nemá, ona nevidí co krásy, co života, co

kontrastů kolem ní se mihá, ona nevidí ani
ten veliký plakát na druhé straně ulice, zvoci
na slavnosti ve prospěch chudých. Snad kře
je pro ni, je nevidí. Snad proto svůj
těžký osud starou ležte.

Je jí 84 let. Někdy nikdy provdána. Bylo
jí 20 let, byla plná síly, života kdosi tam na
slatku. Měla líčka, měla dítě, byla potom vy-
hnána. Čtrnáct roků mělo její dítě, když přišla
sem do továrny, i s dítětem pracovala. Dítě,
dceru, brzy potom ji odešla, zemřela. Praco-
vala, dlela se dále, žila, proč však žila? V to-
várně ztrácela stále více zrak, až kdysi ostepla
úplně. Dali jí do chudobince, dali jí tam
ztlama být. Je jim za to z duše vděčna.
Yživí se, chodí na ulici, a občasně někdo ji
gros vhodí do kúlna. Vší stařenka ta v bola?
Jak si je představuje?

Právě teď zastavila se u ní dáma. Vho-
dila jí peníz do kapsy. Starěnka sáhla po něm,
růženec se jí napnul a snad se slzami vaše ženy
modí. Dáma pospědí dále, odbočuje do
krámu, kupuje si novou toaletu, musí jí přec
mit, vždyť je čestnou pořádkem slavnosti
ve prospěch chudých. Dáma šaty koupila,
jeden okouší, nežane už stařenka nic, vždyť
už jí čmes dála.

Vychází pak z banky, sedá do kočáru,
pobíží kočto ku spēču. Vždyť je už jedenáct,
a on ještě není nahore. Přesně v jedenáct
je anketa o chudinské oděty. Starěnky ne-
vidí. Vždyť je tak malá, scvrklá, taktoška
s chodníkem už splynula.

—

Maxim Gorkij:

Pohádka.

Na jedné polovici země žil Kusmíčově a
na druhé Lukyčově, a mezi nimi byla voda.
Země jest velice úzký prostor a lidé zisku-
chitvi a chamtiví a proto se strine pro každou
malíčkost — rvačka; jak se jednoma něco
nelíbí — hned jsou oba „uť!“ a už se škrtí.

Jeden napadne druhého, níči sobe, a když
zkoumají výbry a strátu: — co při tom vy-
chází najve? ... I když bojovali nemuž-
něl a nepobehnědli, vždy jen skoča! Tu
přemýšlel Kusmíčov: „Takový Lukyč
mám nejvíce smůlky kopeček. Když jej zabijem,
stojí nás to šed šat kopeček: „Jaky to má
smys? A Lukyčově o tom také přemýšleli:
„Živý Kusmíč nemá při nejsvětějších odhadu
ceny ani jednoho groše a jeho zabít stojí
96 kopeček! K čemu je to dobré? A ze
vážněného strachu dospěl k tomu: „Mu-
síme své zbraně zdokonalit, potom
válka bude ukončena dřívě a zabi-
jení přijde nás laciněje.“

A kupectvo si naplnilo kapsy a kříželo.
„Děti! Zachraňte vlastní Vlast jest v nebez-
pečí! Zhotovte bezcenné množství zbraní,
vyhláde vhodný okamžik a začali se obra-
pravovati. Zablížili, zablížili, přemohli se, olo-
pili se navzájem — a znovu začli zkoumat
výbry a strátu — jaké zklamání! „Zase se
to nesboudje,“ řekl Kusmíčov. „Dříve jsme
zabíjeli jednoho Lukyče za šedesát kopeček a
nyní nás přijde každá mrtvá duše na šest-
náct stříbrných rublů.“ — Pozbývaly myslí
a Lukyčově také nejsou zraně v nejlepši
náladě: „Zatracení věci! Válka přijde nám
tak draho, že za to nebudeme dítve a zabi-
rozhodli: „Musíme přivést techniku porážec

Číslo 167.

RUDE PRÁVO

Strana 5.

Obchodní pomocníci, průmysloví, pojišťovací a advokátní úředníci se dnes v úterý po 12. hod. polední v Praze II., na Havlíčkově náměstí, směřem k Mariánské ulici, aby opětovně projevili naprostou solidaritu s vyloučeným bankovním úřednictvem. Svolavatelé: Pracovní výbor soc. organizací, Československá obec trédnická.

zřekly, vlastně jen částečně nahradovat znehodnotěné penáží. Kým robotníci částečně upravili svoje mzdy, byly už wertheimsky kapitalistov plně. Proto mají začít snižováním cizí tovaru najasmpy kapitalist.

Na úkor existence robotnictva mají být zachráněni zájky kapitalistov a bank. Vede i toho má ale robotnictvo zaplatit miliardové výdavky na světovou vojnu. Ešte si robotnictvo po vojne neoddycho, v rodinách niet čo jest, niet obleku, obuvi ani bielizny, kým banky a podniky sa topia v milionových a miliardových ziskoch.

Celá pracující třída musí poznat vážnost doby a musí jednat. Terajší generála stavka bankovního úřednictva dokazuje, že všude máme pod diktátem a odvysloužen na bankách. Bankov a trustový kapital je najbezpečnejší, to je najlepší dnes vidno.

Robotnictvo všetkých odborov a strán je povinné uvážiť: „Bolo správne, keď ostatné odbory sa pozeraly a kľúdom na to, ako zamestnávateľa na Bolo to správne v prípadě dřevorobotníkov, zemerobotníkov a kovorobotníkov? Jeden odbor, tedy část robotnické třídy, sa hrádne bije s jednotnou frontou kapitálu, a my bobuňali v druhých odborov sa na to s kľúdom pozeralme, alebo najvíc neakú frázu o sympatiách prejavíme. Vyslovením zločinom na prácu — jacej třídy by bolo, keby sa toto malo ešte opakovať.“

Bankové úřednictvo odmítlo přijat jarmo, které mu chtěli bankéři vinit. Na plecía a zaděj podstupilo boj. To je moment v robotnickom hnutí kríckový. Preto je nutné uva-

žovať, či má pracujúca trieda zostať v defenzíve, alebo má prestúpiť k ofenzíve.

Doba poválečná neporná a nesmie poznat starej taktiky. Pred vojnu sa stálo, keď odbory postupovali jednotlivé, lebo vtedy organizácia kapitalistov nebola tak pevná, ako teraz. Ale teraz, keď kapitalizmus vybudoval svojich organizácií a silu sa bezohľadnejším a najhrubším, tu je v záujme všetkého fyzického i duševného proletariátu, aby jeho fronta sa pripravila k jednotnej ofenzíve. Keď kapitalisti jeden odbor po druhom finančne zoslabia, keď sa bezvýsledne vyčerpá energia robotníctva, bude už iste pozde.

Trdný, trimesačný zápas anglických uhlo-kopov nám musí byť výstražným zjavom. Tam z ohľadu na kapitalizmus boli zradení banky vodcami ostatných odborov, ktorým sú uhl'oharóni bližší, ako osmešili otroci bant. Taká zrada sa nesmie u nás vyskytnúť aj keby nám bolo seba viac hľásané, že máme demokraciu a parlament, alebo že záujem štátu vyžaduje silný kapitalizmus. Predné sú záujmy milionov príslušníkov pracujúcej třídy a nie záujmy sobeckých jednotlivcov.

Bolo by veľmi poškľe, aby vedúci činnosti hnutia odborového pred touto skutočnosťou strkali hlavy do piesku. Teraz je povinnosťou členstva, aby činnosť ich v tomto smere kontrolovala a rozhodovalo samo o najlepšíšom vlastnom presvedčení. Keď sa robotnícka trieda koncentruje v jednú frontu, bude môcť smele podniknúť útok na básky kapitalizmu a zúčastniť sa stavby nového sveta!

Osud pracujúcej třídy sú v jej vlastných rukách. Ak to zavrhuje nepochopíme, budeme

sami vinní svojmu nešťastiu a biede. Hospodársky stav robotníctva je kríckový. Preto uvažme, rozhodnime a konajme!

Stáťšíť průmyslníci obvodu východo-českého poslední dobou vystupovali, až na čestné výjimky, proti dělnictvu velice agresivně, za vedení obvod. předsedy továrníka Gross-mana z Ousobí. Jelikož za vedení této pána stáveli se a chtěli rušit i to, co bylo s jejich vlastním svazem vyjednáno, a dělnictvo bylo na popud Grossmannův stále sjíkanováno, byl svolán do Ousobí velký protestní tábor lidu. Na tábor dostavilo se sklárské dělnictvo ze skupin: Něm. Šindorf, Smržná, Antonínodol, Josefodol, Františkovodol, Věží, Jihlava a Ousobí. Tábor zahájil soudr. vězení z Josefodolu krátkým proslavem a udeřil slovo a Coufalovi, jenž drasticky vyřizil porážky různých Grossmannů, Schindlerů a Inwaldů, kteří přišli do podniku jako provozovatelé kapitalů náš a v ní něco řádiva, a nyní týrali dělnictvo. Poukazuje na postup mnohých úřadů politických, zvláště na dra Rosenkranze z ministerstva soc. péče, a naznačuje cesty, jakými třeba se brát. Útoči prude na továrníka Grossmanna a kritizuje jeho postup při posledním vyjednávaní v Teplicích, kdež byl i předsedou svazu sklárských průmyslníků rázně odmítnut. Keč přerušována bouřlivým souhlasem a odporem proti postupu našich šarmachů.

Věřejná schůze žen v hostinosti zaměstnaných končí se dnes v úterý o 12. hodině v Praze II., Hyberská ul. 7., Růžový sál v rest. Lidového domu. Program: Mladové a pracovní poměry žen v hostinosti zaměstnaných a nutnost organizace. Nedodržování zákona o 8 hod. době pracovní a spory u živnostenského soudu. Náhrada za práci přes čas. Referenti tajemníci M. Štěpán, Oktábec, kol. Svoboda a příspědci živnosti, soudy pražského kol. Tom. Sletcha.

Předmluva Trockého.

Tento spisek byl z největší části — ve volných okamžicích — sepsán v prostředí, které málo bylo příznivo soustavné práci: v Brestu Litavském mezi schůzemi mírového vyjednávání byly načrtnuty jednotlivé kapitoly této skizy, její vlastní posádky spočívá v tom, seznámit mezinárodní proletariát s příchodem, průběhem a smyslem říjnové revoluce na Rusi. Světové dějiny utvářely se tak, že delegáti nejrevolučtějšího režimu, jaký lidstvo kdy vidělo, musili vyjednávat v této diplomatické stoli se zástupci nejzápadnější kasty mezi všemi třídami vládnoucími. Při tomto mírovém vyjednávání nezapomněli jsme ani na okamžik, že jsme tu byli zástupci revoluční třídy. Sými řeči obraceli jsme se k dělníkům všech zemí utlačovaných vládkou. Když jsme mluvili s Kühnmanem a Czerninem, vzpomínali jsme na své přátele a stoupníky smýšlejší soudruhy, na Karla Liebknechta a Fritze Adlera. Svůj volný čas věnovali jsme této brožurě, která je určena dělníkům Německa, Rakousko-Uherska a všech jiných zemí. Měšťácký tisk celé Evropy je za jedno v tom, že spřádá pletivo lži a pomlouv o proletářské vládní formě Ruska. Sociálně patetický tisk — jsa bez odvahy a důvěry ve vlastní věc — projevuje svou naprostou neschopnost, pochopit smysl ruské revoluce a vytvořit jej masám pracujícího lidu. Touto brožurou chceme mu přispět na ponoc. Doufáme pevně, že revoluční dělníci Evropy a jiných částí světa nás pochopí. Věříme, že brzy započnou totéž dílo, které my nyní provádíme — oprávně se však o své bohatší zkušenosti, vyšší duševní a technické prostředky — provedou toto dílo mnohem důkladněji a pomohou nám překonat všechny obtíže.

Brest Litavský, 12. (23.) února 1918.

Lev Trocký.

LEV TROCKÝ:

ŘÍJNOVÁ REVOLUCE

PRŮLOH

DR. V. VACEK.

NÁKLadem „RUDÉHO PRÁVA“ - TISKEM „GRAFIE“ V PRAZE.

Číslo 219. 18. září 1921.

NEDELNI PRILOHA RUDÉHO PRAVA

18. září 1921. Strana 1.

DĚLNICKÁ BESÍDKA

LITERÁRNÍ PŘÍLOHA RUDÉHO PRAVA

Alex. Blok:

Ze sbírky *Jamby*. (1907—1914.)

Já ucho přiložil jsem k zemi.
A muky klík mě nepřichlají.
Ty v mláhách trápíš svoji duši
Tou malou, stony chroplavými všemít
Ej, vstaň a vzpláň a žhnouti počni!
Ej, vztyč zas věrně kludivo,
By bleskem živým razbilo
Ten mrak, v němž máš teď vládne noční!
Jsi křikem v zemi, který rýje!
Já dýším klas tvůj v noci, za dne...
Proč meškáš, věz, ten holos padne,
Až rány seker udeří jej...
Zlou zemi vzrýj jak zrna vzrply
Ven z temnot vyjdi na den boží,
Vždyť věz, že vltázství jím vzhoří
A soumrak hrobu již se chýlí.
Jen zpívej, toť a hýčkej noc tu svoji,
Až přijde nad ní vesna v krátké době,
Pak nová láska dozraje z ní tobě,
Jsouc zalévána horkou krví tvoji.

Přeložil Jar. Seifert a Fr. D. Pítek.

Petr Skála:

Snoubenci.

Pepička Soukalová, švadlena a Vladimír Zloch, malíř, se tedy milovali a bezstarostně jako ptáci pár na jaře, než se počíná

couzské je v tom snad ironie dějin, ale takový je svět, takový je život. Ideál je neplodný, nemá-li pro sebe nejen srpy, kladiva a zednické láze, nýbrž také pušky, kulomety a děla.

Zloch byl teď jistý a pevný ve svých názorech a ve své víře, kterou nemohly otřásti okamžité nezdar: marxism ruských soudruhů tvořil mu pod nohama půdu tak pevnou, že měsíce a leta bloudění a nezdarů, měsíce, které prožíval nyní, a leta, která snad ještě přijdou, nemohla pranic v jeho představách změnit. Věděl: soukromokapitalistický řád přese vše se zhroutí, a my jsme na správné, jediné možné cestě.

Pepička, pokud láska a zaměstnání ji to dovolávaly, horkě četla komunistickou literaturu, a byl z ní už veliký mudrce, třebaže tu a tam uklouzla jí nějaká věčná ženská naivnost. Považovala teď dobu svého sufražetství téměř za poklesek, nerada o ní mluvila, ba často sama dokazovala, že vstupem žen do snopovní bylo vyhoveno jen zásadě, ale doopravdy pranic se nezměnilo na jakosti parlamentarismu. A že dokonce ženský poslanec nelíší se, kromě své fyziologie, ničím od průměrného poslance mužského.

Jeden bývalý sen její ovšem se splnil, byl v jiné situaci. Našla soudruha, který s ní souhlasil a byl ji upřímně nápomocen. Zloch byl jí stále řídícím a učitelem ve všech pochýbnostech, nalézaje v ní oddanou a schop-

vyňkající švadlena, jako byla Pepička, mohla si vybírat zákaznice a dáti se dobře odměňovat. Zbohatlci kupovali také obrazy, nikoli z lásky k umění nebo z porozumění ovšem, ale protože ukládali peníze raději do zboží než do bank: Zloch byl dobrý malíř, kteří vedle přílivu peněz měli i trochu vkusu.

Příznivá pro ně konjunktura hospodářská přispívala tedy nemálo ke štěstí mladého páru. Nieméně právě ona vrhala často i hluboké, byť letmé stíny na jejich radostný život, aby si ho více vážili.

I v nejšťastnějších dobách našeho života jsou chvíle, kdy člověk z nějakého důvodu fyziologického je náhle přistupen černým myšlenkám, které na nás na světě číhají ve všech koutech. Tu Pepička nebo také Zloch přišli vždy se stejnou věcí: trýznila je myšlenka, že jejich poměrný blahobyt hmotný je následek spínavé konjunktury, že přijimají svou mzdu z rukou keřasů a zbohatlíků za práci, která neslouží potřebě lidu, nýbrž pomáhá jeho cizopasnickým životům se a chlubit majetkem nečistě získaným.

Jako hustý tmavý mrak objevovala se tato myšlenka na jejich nebi veselé nadřem. a trvalo to často hodiny, než mrak pomalu se přesunul a zapadl za obzor. Stokrát si řekli: Musíme být živí, nemáme nic než své ruce, kterými pracujeme, počítáme. Neumíme

Číslo 254, 4. prosince 1921.

NEDELNÍ PŘÍLOHA RUDEHO PRÁVA

4. prosince 1921, Strana 1.

DĚLNICKÁ BEŽKA

LITERÁRNÍ PŘÍLOHA RUDEHO PRÁVA

Emile Verhaeren:

Vzpousta.

Ulice, jediný divoký svět
trojeřád, lid a paží, jež třel jak spár
zahrnu, kde ilustrovali křivý,
cizí lidé, v
v bávaním jejím jednotně spjato
nemávati, výšný, naděje stěra:
ulice zlatá,
ulice rudá, v hlubínách stínů za večera.

Smrt nad námi je tu rozepjata,
ve zvonech bje si na poplach,
smrt, vzruš, v snách,
s ohní a mečí,
s hlávaní na třešňích po kupcích,
jak s květy o kruté květoceci.

Dumivým bučením těžkých dří
chrchlavý chropot se rozvážel
tím, co kvili v umrtělé chvil.
Žití bčímno oči vyteřských
terčí hodin na námišti bříž,
jež rány třešňů rozvážel:
není už večera, poledne, ráno
po srde ztlidně, odhodlaně
lidsch drah hyperbolických

Vleč, ze země vzrostl,
rozpítl se po šedých sládkách
vleč, v obrovských výřích,
s krvi, v níž proudí zbláznil,
síný a síla dráha,
živý, čas,
že roznatč žití vyváží v nás
vlečen ten čas,
co váhání stolec vyčkává.

Co bylo dítu smem,
co spinolo teprve s budoucnem
nejodvážnější čela,
co nítlo díku plamenem,
co slza si vyplakat chtěla,
co lidské msta si ahrdala
po dlouhých zříní,
teď tleská paží a zbraní
vytrýskalo z davů jakotom spávu, přes něž se no
návst přehleda.

Krev strojů si v hrůze slavnosti
a vztečaje korouhve radosti:
rudí a zřítí mužů jdou,
štes mrtvé chladné stoupají:
vojáci s helmou kovovou
po právu se už nepotí,
vstí už polouchat, ochable ženou
na mau lidu rozvážně,
jez vlče z lidu do boje
po krvavou zlatouš výboje.

— Bji, zabij, bys obnovil, znovu stvořil!
Já přinášu dravost buď tvůj hlad,
zoufalé dohrýze se cíle,
v ilustrovi nemámim jediné chvíle:
Bji, zabij, sám padni, jen život zvat na nově
těl —

Viz, mosty a domy jak hořt a hořt,
kravým přáclim v soumrak se nořt,
remena teky odrážej
hořtí nádhru, vzrženou hlubokó do peřej,
obrovských věží, píl zlatých, stín jak valp
v daleku město obemaly,
vážej házejí nekoma zlovážněma

zlatistě oharky, temnota jímí jen dýmá,
nad každou stíechou vznáš se bezdně ohnivý
drak

Tam dole se střili po haldách

Smrt o prstech přemáhá jako stroj
exaktem ručnic ostie chleší,
poděl zří kosi na námišti
strudá tle; za vojem voj
padá jak stěna,
vzbuolení padli ztichli jak pčna,
nrtvolu, kulkami provrtané,
v grotakní nahotí válí se rozedrané,
témelí reflex spílčen poslední sítě
sektibit v úmách,
Poplání zvón se vzduchem nose,
tluč jak srde, jež v boji se tles,
vák pojednou, alpi: — jak dnuvno vlnou
smrtice hlava zalkutých,
— doznívá zvonit zapálenou,
zích!

Do staré radnice, konicla sbor
kde po vřby depat místo a vzor
a zástupá přibýl vnuřný,
vřh dav. Ide ozbrojen hladový,
praskají klíče, zámký se rozletěly,
železné slíně ostvěly,
zakrý, stohy nahotí v do plameně,
ohněv jazyky stěly v do plameně,
černá křivá nímaloť ve větru tancuje,
Po sklepkách, půdách se drancuje,
s hřetích povládá lidské těla se sráží,
prázdnotu kři chuchvalce rozptýlých patí.

V hrozděch
s ohn se světlí, na tisíc kusů rozletěly,
stěpny mračnem na zemí dopadly,
bezkonky Kristus, jak přiznák vzpáblý,
rozstřel car teď na křivě dnu
vstí už na posledním hčbu,
dav vyvrátil rouhánim a písní
lábemal se svátostmi,
svatě, stěpící oláje,
potupil ranami do tváre,
lod hostilí sněhem se pokrýje
a ilape je noha zblázil.

Klínatý vraždy a kalastrof
hlítl tu vypo ko hvezdný krov;
másto se hali do šetu
země ze zlata a šarlata,
z večera hlubín dále, jež okýpný dnuu,
lyne svou obrovskou ohnivou korunu.
Kvas vzteku, kvas vzpurného ilustrovi
hnele teď život: zem' se ohní,
jak v základech by ji otřásl,
pročur jak v jediný požár by vzplál,
v dýmu a dšau roznemal
nemírma studené nebesa.

— Bji, zabij, bys obnovil, znovu stvořil,
já padl a zabýval! Otěvř dočtán,
já pěstí si rozbi o tředatí brat
At jaro má zelené nebo rudé,
na věští vžděky vpravine
hubené Moci oudné,
s tůstem, hurnem budet

Přelozil Jindřich Horejší.

Jergmír Zamjatin:

Mama!

Za večerů a za nocí — domů v Petrohradu více
není: jsou jen kšipatrové kamenné korby. Jako osma-
cený kšipatrový svět nose se korby po kamenných vlnách
uprostřed jupých osamocených kšipatrových pětí; ohní
nepočítaných lapat září korby do rozbořeného oklezu
ulic. A ovšem — v kaputích nehou obyvatel: tam
sou — psalíři, jako na ledi prosté vlničky jsou ne-
známými druh s druhem, vlničky jsou občany šes-
tipatrové republiky, obháňané nadním okležením.

Psalíři kamenného korby čte, 40 lidí se za ve-
čeru v té části petrohradského oklezu, která je osmačena
na mupě pod návrhem Luchinské ulice. Cháp, jupýři do-
mervá a supí občan Malasjev, vůd u vlničkách lodních
schůdků a hleďtí brylemi tam — do tmy: zřídka je
vlny přimálo, podobno, družstvo. Měkké, zasypané ná-
bem vytrvalost z vln občan Malasjev a pohybuje by-
lem na nose — reguloval pro každého stupeň účty: ná-
drž, oklezu se ruterlař četa, byla složitým mechanismem
spojena s brylemi.

Hle — byle na kšipce nosu, jako u plíného pod-
goga: — to Petru Petrovič Masanovi.

Vás, Petre Petrovič, manželka čeká s obědem.
Dívku už, jak to, že vy tak?

Zatím byle prave, kšipce k obrátě usady do seilat
to je nosatý z dvacítky pětého — na automobilu. S no-
sajm je to velmi těžké: spáse mu filatit neze, nos-
duhuje to se tak vážně neobstá, jak pak to asi tak, aby
ooo ...

A, pan-otroch Mylník. Počasíčko je, pane-
otroch Mylník, vlničky ...

A noskové byle naverch, na čelo: na palubu kor-
by vstupuje Jelisej Jelisejč.

Byle, slava Bohu! Státní? A přece v kotičku,
nebojše se, že seboroz? Jedině, opřímám ...

Jelisej! Jelisej! je kaputě, jak se vlničky nosatý
domu. A Jelisej! Jelisej! je do vln z zakabouřných
Atlant, tleskání, třeptání, zasmáčení, po vlničkách
si nosu na Milionové pětí Ermiláče.

Dose by potaří žití těží než jindy, Jelisej! Je-
lisej se pětí ...

Do vlničky byle ... rychle ... na schůzi ...
do klhu ...

Přelozil Jelisej Jelisejč, čotpek zase?

Srizek!
Ale odpovíť není třeba: jen pohlednutí na tře-
pky, zasmáčení čelo, na vlničky nomena. A občan
Malasjev, virtuózně ovládaje brylemi, bjež do byle.

Poklepež jeho buletu na dveře bylo jako trouba arch-
arkitla: zasmála objeit, hlečky styly v nalyhly kouti pu-
ke, na čestě k datim zastavila se illice a polovinu.

Poklepež, jed Pet Petrovič, Mama! Nebo přisnají:
jako plínat krmila manželka. Zasmáčení na kšipce vlni-
čkové, mlíčovité, mazopne, budopoděbné — krmila
osa pormožebko člověka si vytrouvenou polovinu:

Nu, rychleji přece, Petstko, polevka vytrvuje.
Koklár si máni filatit: nemá ráda, když se sedí u obče
s kšipkou ...

Nu, Aleško — nu, já kšed — nu, kšed ...
přez led vydáti ... Ty rozumíš? Bogdanovičovi
„Dokazka, kšed vydáti ...“ dvacátim roky za Fran-
couzské vlničky obrovsky chlešelo a jen ti čotpekfil ...

Vědy to už pít let hleďm ...
Mama! 1917, rok ...

... jupýři kšipky, jako Jelisej, jako Jelisej, jako Jelisej ...
byle roznoučným lůd, už se Zákou Bořim, nos radost
per a krmila bo matka: jako čivčivčivč plaváči boč
byl zasmáčen v pětistáti, radost z kšip a krmila bo
žena.

Illice polovky — obet Budovič — a znova pormo-
žil člověka, mamí zastavil Pet Petrovič se subitně
přesnu — a stěně hladi, dokytaje se kšipce pětistý:
„Přezal podle prvního vydání ...“ Moskva ...

Se schrádnim Cenuvobu obrovu ... Ach, to uchrav-
jici sme na stěch dusotných pětích ...

Nu Petstka, čotpek to je? Kšitím, kšitím a je
já potěd nad nose kšipkou ... Ohluch jsi, či co? Někdo
je kšepa ...

Jen Pet Petrovič — po vlničkách do pětistáti. V
dvacích byle na vlničce nosu:

Jelisej! Jelisej! náležal — aby na schůzi
Rychle ...

— Nu, jak by to, im nešel ke knize ... Co pát
je to ježat? — a plaváči chlešelo v vlničkách ...
Nemělta vlnit, jen aby rychle ...

— dvéte kšipky se zsmály, byle si vlničky ... Snad byl stracon
kšipce, snad stěně na spodní jest neviditelná vlnička ...
kšipka, si vlnit — vlnička, široké vlnička na dvéte ka-
jati: náleža na pětistých pětích — zsmáčen polo-
háne roznoučový: a tepot pětisták, rychle náležal

В журнале «**Пролеткульт**», продолжаям разработать повестку газеты «Руде право», выполняя культурную просветительскую и организационную функцию, публикуются труды русских революционеров, в частности публицистика К. Радека, Н. Бухарина, Г. Зиновьева, М. Покровского, К. Тимирязева; автобиография Троцкого; печатаются статьи о науке и образовании в Советской России; заявление русских анархистов. Тема голода в России появляется и здесь — уже в публицистике. Иногда появляются материалы о русском театре или советском кинематографе («Поликушка»).

Из художественной литературы за два года существования журнала были опубликованы следующие переводы: М. Горький «Песня о соколе» (04.01.1922); М. Кольцов «Фокстрот и орудия» (18.01.1922); программное заявление пролетарских писателей и поэтов группы «Кузница» (18.01.1922); В. Маяковский «Потрясающие факты» (01.02.1922), «Моя речь на генуэзской конференции» (о ней тогда очень много писали в чешской публицистике) (21.06.1922); И. Эренбург «Молитва о России», сказка, где из названия убрали слово «молитва» (01.02.1922); Е. Федоров «Четыре пуговицы» (08.02.1922), «Байтас. Из киргизских восстаний» (22.03.1922); Л. Толстой «Как чертенок краюшку выкупал» (22.02.1922); Б. Пильняк «Всегда командировка» (08.03.1922); П. Красиков (соратник Ленина) «Из русских воспоминаний» (08.03.1922); А. Аросев (бывший в Чехословакии полпредом) «Октябрьский рассвет» (26.04.1922, 10.05.1922); В. Тамарин «Пустыня» (31.05.1922, 07.06.1922, 21.06.1922); футурист Н. Асеев «В темноте» (05.07.1922); писатель из группы «Кузница» А. Неверов «Маленькие рассказы» (16.08.1922); Вс. Иванов «Бронепоезд 14-69» (23 и 30 августа, 06, 13, 20 и 27 сентября, 04 и 11 октября 1922 г.), П. Арский (рабочий из ленинградского Пролеткульта) «Кровь рабочего» (25.10.1922); Д. Бедный «Главная улица» (13.12.1922); П. Сосновский «Пять лет» (20.12.1922); крестьянский писатель С. Подъячев «Голодающие» (17.01.1923); М. Шишкевич «Волк» (24.01.1923); Саров «Петроград сегодня» (31.01.1923); Тимошенко «Рурштадт» (28.02.1923); А. Лопухин «Одиссея» (28.02.1923); сибиряк В. Шишков «Провокатор» (11 и 18 апреля 1923 г.), драма «[Кулак]» (01.08.1923); К. Еремеев «[Изгнанник]» (рассказ; 02.05.1923); М. Зощенко «Лялька пятьдесят» (02.05.1923); В. Вересаев «В тупике» (09, 16 и 30 мая, 06 июня 1923 г.).

Литературная критика также периодически появляется на страницах журнала, в основном авторства крупного чешского литературоведа А. М. Пиши. Первой заметкой был некролог на смерть В. Г. Короленко (18.01.1922), который для автора публикации был прежде всего учителем Горького и, конечно, примером того, как даже не будучи коммунистом в России хорошему писателю можно оставаться, жить и работать, что опровергает стенания эмигрантов; за некрологом последовали и другие публикации: сравнительно объемная рецензия на «Слепого музыканта», рекомендующая эту книгу чешскому читателю как добротный пример реализма, не вызывающего скуки; рецензия на сборник «Ночью», в котором критик видит иллюстрацию загадки русской души, которая любое незначительное событие превращает во встречу с вечным.

Вскоре после смерти А. Блока о нем выходит ряд критических материалов: статья о поэме «Двенадцать» (25.01.1922), где Блок, наряду с Гастевым, Кирилловым и Маяковским, назван самым значительным поэтом русской революции, который, в отличие от сбежавших, постарался понять революцию и увидеть в ней зеркало загадочной русской души.

Также были изданы переводы статей А. Луначарского «Николай Николаевич Некрасов» (08.03.1922), «Революция и культура в Советской России» (07.03.1923), открытого письма Алексея Толстого Н. В. Чайковскому (24.05.1922), статей П. Керженцева «Строительство пролетарского театра» (31.05.1922), И. М. Василевского «Куриная слепота» (о книге А. Блока «Последние дни императорской власти») (09.08.1922), Виктора Сержа «Борис Пильняк» (02 и 16 января 1924 г.). Опубликована заметка, посвященная речи Маяковского в Берлине «О позиции РСФСР», где поэт выразил стремление очистить ряды поэтов в России и признать недостойными Ахматову, Городецкого и Брюсова (06.12.1922).

25 апреля 1923 г. на первой полосе выходит обобщающая статья Вайля «Русская пролетарская поэзия». Вначале он рассказывает о формировании идеологии новой советской литературы и приводит тезисы работ Богданова, Луначарского, Брюсова, Ф. Калинина и П. Бессалько, затем — о борьбе пролетарской поэзии с футуризмом. Характеризуя пролетарскую литературу Вайль утверждает, что она не существует вне поэзии; есть прозаики, которых публикуют в «Пролеткульте», — как, например, Арский, — но художественными

произведениями их творчество назвать нельзя, поскольку они слишком тенденциозны, подобны трактатам или являются зарисовками из цехов. Лучшими поэтами Вайль называет Александровского, Кириллова, Казина и Гастева. Пролетарскую поэзию автор выделяет в отдельное, уже сложившееся направление, которое перестало зависеть от дворянских писателей типа Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского и т. д.

4 и 11 июля 1923 г. выходит еще одна довольно обстоятельная статья Вайля — о русском футуризме, где автор рассказывает его историю, от И. Северянина, по его мнению, эго-футуриста, который просто выдавал вульгарную версию Брюсовской поэзии; молодых футуристов, которых критик упрекает в безыдейности, указывая также на идеологические противоречия между ними и западными соратниками, явившимися продуктом капиталистического империализма и воспевавшими бытовую комфорт, вплоть до формирования самостоятельного направления. Особенностью русского футуризма стало то, что революция его переродила, именно тогда появились крупные его представители — в первую очередь В. Маяковский, ставший самым известным русским поэтом, рожденным революцией. Вайль также разбирает творчество В. Каменского, Н. Асеева, из старшего поколения — В. Хлебникова, а также Б. Пастернака, единственного футуриста, не принявшего революцию. Во второй части статьи автор рассматривает прочие течения в рамках футуризма, а именно произведения И. Эренбурга, отмечая, что конструктивистом тот является лишь в теории (конструктивизм в на русской почве проявился лишь в изобразительном искусстве), а вот как поэт он футурист (Вайль, впрочем, отдает предпочтение его прозе). Далее разбирается «замаскированный футуризм» — имажизм (Шершеневич, Мариенгоф, Кусиков, Есенин), теория которого имеет мало общего с творчеством поэтов его представляющих (в отличие от футуризма), поэтому его нельзя назвать школой. Творчество Шершеневича называется компиляцией произведений других поэтов, Мариенгофа автор считает эпигоном Маяковского, которому больше удастся эротическая лирика. Ненависть к урбанизму объединяет Кусикова и Есенина, однако первый — поэт слабый, сочетающий в себе Запад и Восток. От имажинизма бы ничего не осталось, если бы не талант Есенина, который в то же время ближе скорее к деревенским поэтам (Н. Клюев, П. Орешин) — далее дается подробный разбор творчества поэта.

7 ноября 1923 г. выходит статья «Большевистская революция и чешская литература», ставшая частью полемики, возникнув как ответ на заметку критика правого издания «Ческе слово» (28.10.1923) о том, что революция привела чешскую литературу к упадку и реакционности. Автор «Пролеткульта» обвинил оппонентов в неспособности понять идеи марксизма в силу своего мещанского мирозерцания, а также в трусости — надеясь вначале на мягкий переворот, но увидев истинное лицо реальной революции, такие люди отказались от ее идей и загнали себя в консерватизм, вместо того чтобы посмотреть на ситуацию с высоты птичьего полета.

21 ноября, 5 декабря и 19 декабря 1923 г. неожиданно печатается объемный критический материал о Достоевском, крайне редко появлявшемся на страницах левых изданий. Первая, весьма объемная, часть труда была посвящена теоретическому обоснованию нового подхода — посредством литературной социологии — к творчеству писателя. По мнению автора, форму выразительности Достоевского определяет специфика аграрного общества, он говорит «монотонной серостью деревенского аскетизма», его слог прост, как феодальная экономика, наполнен гордым спокойствием, игнорирующим муравейник крестьянского населения, и медлителен, как и сам уклад аграрного общества. Достоевский не только идеолог аграризма, но еще и фигура переходная, вплетающая в феодальную метафизику методы буржуазной науки, идол современной буржуазии. Он не просто спокойный повествователь — но гладиатор на поле боя классовой борьбы («Бесы»), использующий религию для удержания стабильности феодального уклада (который исключает технический прогресс), тем самым ломая революционную волю борца за свободу. Его антисемитизм — показатель ханжества, а спиритуализм — модернизированное шаманство. На взгляд анонима, психологизм Достоевского — это психология господствующего класса и не имеет отношения к жизни рязанского мужика. В заключение критик однозначно отрицает идеологию русского писателя, потому что никакая любовь не поможет устроить быт в реальном мире. Таким образом, в отличие от Вайля, который стремился встроить творчество Достоевского в левую идеологию, автор данной статьи писателя полностью отвергает.

V Praze, dne
24. května 1922
Ročník I.
Číslo 20.

PROLETÁŘI VŠECH ZEMÍ SPOJTE SE! PROLETKULT

TYDENÍK KOMUNISTICKÉ STRANY ČESKOSLOVENSKA PRO PROLETÁŘSKOU KULTURU

Otevřený list Alexeje Tolstého N. V. Čajkovskému*)

[Přel. O. E. Berger]

Dopis Čajkovského Tolstému:

Milostivý pane hrabě Alexeji Nikolajeviči!

Zasílám Vám tento list jménem výkonného výboru komitétu pro pomoc ruským spisovatelům a učencům ve Francii. Prosím Vás jako člena komitétu, abyste nám vysvětlil, jak máme rozumět tomu, že Jste přispívatelem časopisu „Nakanuně“, kterýžto list zřejmě se vydává za bolševické peníze a otevřeně klade si za úkol vést boj s ruskou emigrací, ke které my všichni členové komitétu i s Vámi doposud jsme se hlásili. Je Vám jistě známo, že komitét pro pomoc ruským spisovatelům a učencům podle stanov má za účel „pomáhati obětem události v Rusku“ t. j. bolševického teroru. Máme-li rozumětí Vašemu nynějšímu jednání, že ono znamená Váš zřejmý přechod pod prapor té samozvané vlády, jež má na svědomí všechna muka, strádání a ponížení těchto obětí teroru v Rusku?

Očekávám Vaši odpověď.

S úctou

N. V. Čajkovskij.

*) Oba listy byly uveřejněny v časopisu „Nakanuně“ („Na úsvitě“), v čís. 17. „Nakanuně“ vychází v Berlíně za redakce prof. Ključnikova a jest orgánem skupiny „Směna Věch“.

Čajkovskij jest vůdčím duchem ruské demokracie. Jejím teoretikem i praktikem. Boj za ruské ústavní shromáždění Čajkovskij dovršil r. 1919 utvořením protibolševické „demokratické“ vlády severní oblasti, jejímž premiérem se stal. Vláda Čajkovského měla za účel zmocnit se od severu Uralu, Petrohradu a odříznouti Moskvu od přístupu k Baltu.

Odpověď A. Tolstého:

Vysocevážený Nikolaji Vasiljevič,

obracím se k Vám, jako k představiteli komitétu pro pomoc spisovatelům, který ode mne žádal vysvětlení mé spolupráce v „Nakanuně“. S velkou ochotou dávám toto vysvětlení.

Ve Vašem dopisu jest otázka, — proč jsem šel? — bezprostředně spojena s mou obžalobou, téměř předem rozsuzenou. Proto jsem nucen zprvu vyvrátiti toto obvinění a potom již Vám odpovím.

Časopis „Nakanuně“, zřejmě se vydávající za bolševické peníze, jak píšete, ve skutečnosti vydává se za peníze soukromé osoby, nemající žádného vztahu k nynější ruské vládě. „Nakanuně“ jest list svobodný, redakce se skládá z členů skupiny „Směna Věch“, spolupracovníci — ze sympatisujících, v nejširším smyslu, s celkovou linií tohoto směru. Základní podmínkou mé spolupráce byla, že „Nakanuně“ není oficiálním listem.

Potom: — účelem listu „Nakanuně“ není, — jak píšete, — boj s ruskou emigrací, nýbrž boj

Alexeje Tolstého ještě dlouho před válkou prohlásila ruská i zahraniční kritika za novou literární ruskou hvězdu. Jeho triumfy na ruské scéně vzbudily oprávněnou pozornost. Alexej Tolstoj viděl ve svých dílech onoho „čerta“, který si dělal šprýmy ze starého Ruska, viděl umírati v křečích stará panská práva a v spuchřelých velkostatkářských vilách a dvorech viděl „chromého pána“ prováděti poslední vytržnost,

Listu Alexeje Tolstého nezapomene ruská literatura, jako svého času nezapomněla listu Čadajeva a listu Běliňského Gogolovi

Po konfiskaci opravené vydání.

Rok 1. Svazek 2. Číslo 13. (39.)

Dne 25. Října 1922.

TÝDENÍK KOMUNISTICKÉ STRANY ČESKOSLOVENSKA PRO PROLETÁŘSKOU KULTURU

R. S. F. S. R.

(Stanislav K. Neumann)

Podoben německému básníku,
který chléb nejvyšší sosnu
zažehnout v sopečném jicnu
a na obloze tímto olbřímím pérem
napsati žhavé vyznání:
Anežko, miluji Tě,

podoben tomuto básníku
proletariát
namáčí revoluční svou pochoděň
do jicnu největší vysoké pece
a píše nad celým světem
své nejhroucnější vyznání lásky,
svou nejvroucnější modlitbu za zdar,
svou nejstrašlivější vyhrůžku,
písmena jediné vlasti, za kterou bojovat bude,
své heslo a směr:
R. S. F. S. R.

Opřena o záda zrádců,
proklalých histrionů panstva,
ještě jak bronzová socha
před mraky, na nichž rudě ta písmena planou,
s úporným úsilím tyčí se buržoasie,
ale co bylo kdys bronzí, je dneska jen hlína,
prohnilá, puklá, mražením posedlá hlína,
a socha se chvějící ztratila klid.
Jak rozkacená hokynářka pomlouvá, lže a
spílá,

zatím co zástupové
horcí, jako když láva proudí,
studení, jako když ledy jdou,
bez rozdílu řečí a plemen, se všech stran
táhnou:

Majákem září R. S. F. S. R.,
a všichni plavci do lepší budoucnosti plují
k němu,

bellémskou hvězdou svítí,
a všichni uražení a ponižení jdou za ní,
mateřskou náruč otvírá:
hle, zde jsme, Tvoje děti!

Hle zde jsme,
miliony,
a pět let již v Tebe věříme
a pět let již Tebe milujeme,
a pět let Ty pro nás pracuješ a trpíš,
a víme,
že jen tím, co sami vykonáme,
jen tím, že víc a více se k Tobě připojáme,
jen rudou, čistou, zbožnou revolucí svou
se Tobě odvděčíme.
Do tvrdé práce voláš, a my ji podnikneme
tvrdými pěstěmi.

Leč dnes,
jak tu tak stojíme
s kladivem odboje v jedné ruce
a ve druhé se zednickou lžicí,
mezi mračnou stěnou, s které nám svítí
Tvé jméno,
a hlíněnou modlou, kterou denně podko-
páváme,
celou svou bytostí oslavující Tvé patrolo let,
dnes na zcela malou chvíli
doma jsme nechali vše, co by nám překáželo,
nenávisť, hněvy, zaťaté pěstě a skřípající
zuby,
a jen svou Lásku posíláme k Tobě,
aby Ti gratulovala po proletářsku,
děvčátko malé v červené karkulce
s kytičkou rudých růží:

Zdrastvuj!

Rok I. Svazek 2. Číslo 21. (47.)

Dne 20. prosince 1922

PROLETKULT

PROLETÁŘI VŠECH ZEMÍ, SPOJTE SE!

TÝDENÍK KOMUNISTICKÉ STRANY ČESKOSLOVENSKA PRO PROLETÁŘSKOU KULTURU

Pět let

(P. Sosnovskij)

Nedávno byli jsme s několika soudruhy v divadle na baletu „Koník Hrbáček“. Balet jako balet. Trochu hloupý, trochu nevkusný a nevhodný.

Ke mně naklonil se jeden soudruh (jehož jméno je známo celému Rusku) a díval se na scénu s chytrým, veselým úsměvem mně pošeptal:

— A víte-li pak, že to hrají o nás?

— O kom? O nás?

— Ano, o bolševicích. Jen se vmyslete — Honza hlupák odstraňuje všechny překážky, vychází jako vítěz ze všech svízelů, a na konec kolem něho v radostném tanci spojují se všechny národy. Vždyť i v kotli s vařící vodou byl, a nic mu to neudělalo. Vyskočil z něho takovým kráscem, že ani v pohádce tak neřekneš, ani přem nenapišeš. Když starý car chtěl podle příkladu Honzíčka se přerodit a skočil do vařícího kotle, uvařil se. Vždyť je to pěkná alegorie, že ano?

— Alegorie skutečně je dobrá.

U stařeny byli tři synové.

Nejstarší byl chytrý hoch,

prostřední byl jakž takž,

nejmladší byl celý hlupák.

Amerika, Evropa a ... Rusku, bolševické Rusko, Rusko negramotných mužiků a pologramotných dělníků.

Skáče, běhá po horách a údolích „Koník Hrbáček“ — Revoluce. Všichni jí cití. Již před sedmdesátipěti lety bylo řečeno: Po Evropě chodí přízrak, rudý přízrak komunismu.

Ted to už není tichý přízrak, který bez hluku vznáší se nad Evropou.

V bouři a hromu řítí se revoluce celým světem. Její hrom otřásá starým i novým světem, Evropou i Amerikou. Její plamenný dech pocituji národové Asie, Afriky, blízký i daleký Východ. Vysoko nad zemí vznáší se plamenný překrásný kuň. Lidstvo vztahuje k němu ruce a upírá naň zraky. Jedni s prosbou a nadějí, druzí ve strachu a vyjevení.

A jen prostému Honzíčku-hlupáčkovi se podařilo zachytiti překrásného koně, vyskočiti mu do sedla, uchytiti se jeho hřívou, přitisknouti se k jeho hrbu, vzletět pod oblaka a pustit se do strašného běhu po horách a údolích.

Nahoru — dolů, do výše — do propasti. Honzíčkovi tají se dech. Hle, vznáší se k nejvyšším výšinám:

— Dobrý den, měsíčku. Já jsem Honzíček...

A tak prostě mluví se sluncem, s měsícem, s hvězdami, usmívá se a kývá jim hlavou.

A ještě pozorněji a s napjatou dychtivostí dívají se se země na let Koníčka Hrbáčka a jeho jezdece.

— Jen aby se nesvalil!...

— Ach, kdyby se tak jen udržel!

— Což pak se udrží?

— Ach, kdyby se svalil!

Jezdci slábnou ruce ... Kuň občas spouští se na zem a zmírňuje šílený běh.

— Padá, padá, roztřísť se, — jásají jedni.

— Udrž se ... ještě se řítí dále ... jak je bled ... drž se, Honzíčku milý, ... brzo přijdeme za tebou...

TÝDENÍK KOMUNISTICKÉ STRANY ČESKOSLOVENSKA PRO PROLETÁŘSKOU KULTURU

SEDLÁČEK*

Dramatický obrázek ze sovětské Rusi ve dvou obrazech

(Vjačeslav Šiškov)

Osoby:

Pankratyč, starší mužik.
Matrena, jeho žena.
Mariňka, jejich děti pracující v petro-
Abramov, hradské továrně.
Zolin, tovární dělník.
Kupčík.
Mladý mužik.

Obraz první.

(Dělnická sednice. Postel, kalí-
kové záclonky. Police s kniha-
mi, kytára, Marxova podobizna.
Abramov a Zolin připravují se
k vystoupení na večírku. Mari-
ňka, sestra Abramova, rozfou-

kává samovar a připravuje stůl
k čaji. Když jde opona vzhůru,
Abramov recituje:)

Abramov:

V temnotách žítí jsme přestali.
Procitli jsme a povstali.
Tak dlouho boj jsme čekali
s plamennou touhou nového žití!
Pryč s malomocným strachem,
hlavu vzhůru, mocným vzmachem
dodejme si smělosti!

(Těsícelo vzpomíná na obraci
se k Zolinovi: Jak je to dál?)

Zolin (napovídá se knížky): Vys
pochodeň pozdvihněte...

Abramov:

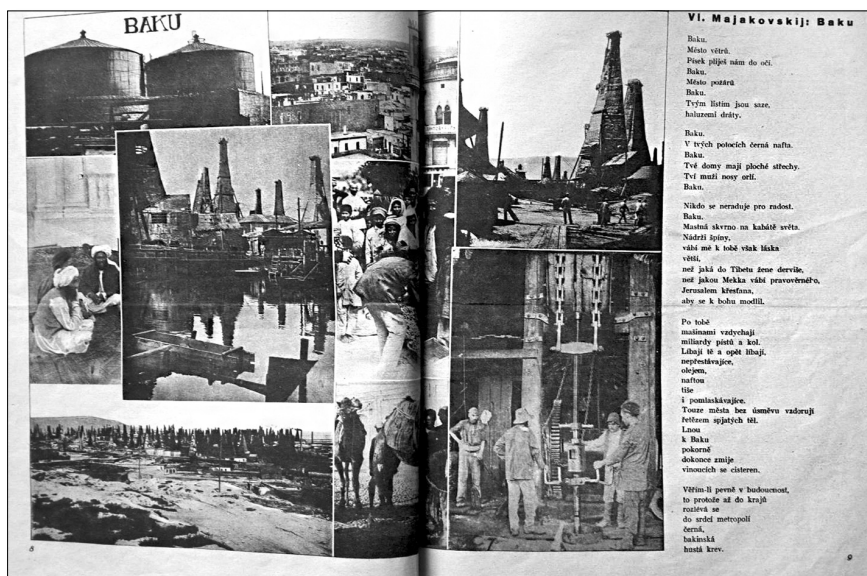
Všech pochoďte pozdvihněte
a v duších plamen rozžehněte.
Byť s chybami, rozhodněte:
Proletí brázdou věky.
Jen to, co silou bylo vzato,
to bude živo, bude svato,
to bude svato na věky!

Tak co, pěkně?

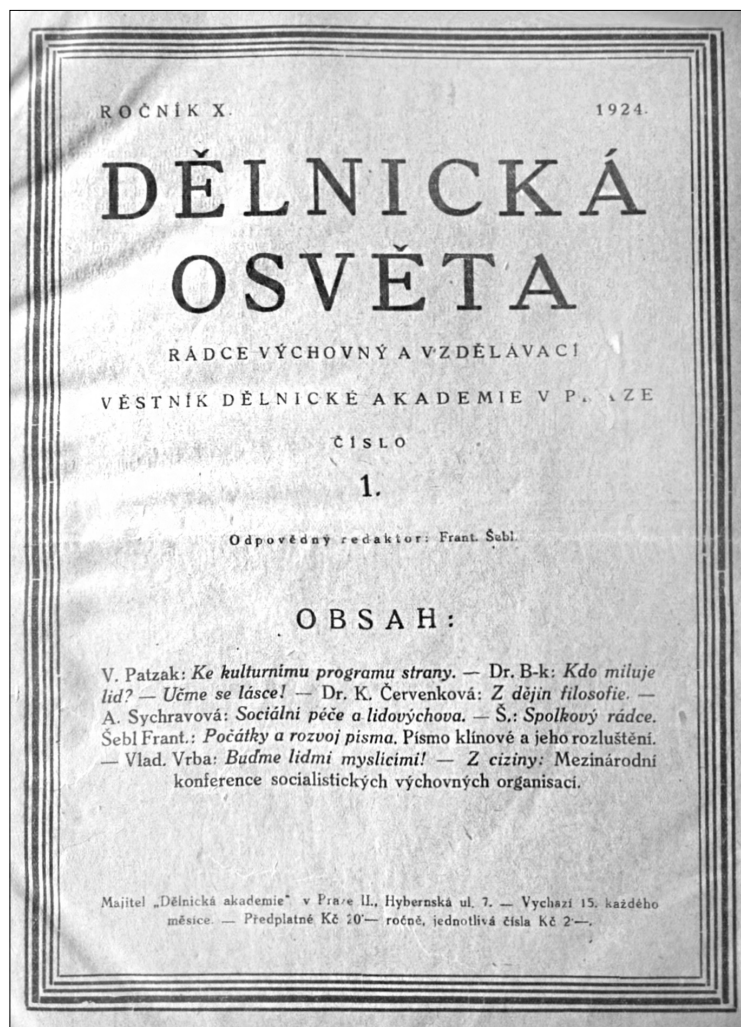
Zolin (usmívá se a načečrává
si dlouhé vlasy): Dobře. Hlas máš
pěkný.

* Podáváme našim čtenářům a našim divadelním
ochotníkům tuto prostou hru ze soudobého ruského
života, která v Rusku byla nespočetněkrát provozo-
vána, domnívající se, že pro svou snadnost a dobrou
karakteristiku selské chamtivosti dá se i u nás
vzdat s dobrým účinkem. Máme pro svá dělnická
divadla takovou nouzi o vhodnější hry, že přichází
v úvahu a vhod každá dramatická krupě. Drama-
tickým spolkům a odborům, kteří chtějí tuto hru
provozovat, zašle naše nakladatelství potřebný počet
výtisků tohoto čísla „Proletkultu“ (po Kč 150); pro-
vozovací právo se neplatí, ale organizace, které
s úspěchem hru sehraji, mají morální povinnost vě-
novati přiměřený peníz na ústřední fond Proletkultu.

В журнале «Рефлектор» издаются: В. Маяковский «Баку» (выпуск 1925/1926, № 3); И. Бабель «Любка Казак» (выпуск 1925/1926, № 11); С. Есенин «Я иду долиной...» (выпуск 1925/1926, № 15), «Русь бесприютная» (выпуск 1926/1927, № 13), «Русь уходящая» (выпуск 1926/1927, № 14); Вс. Иванов «Рассказ о себе» (М. Горькому; выпуск 1926/1927, № 17). Также в журнале, помимо многочисленных биографий советских деятелей, публикуется материал об агитационной деятельности Я. Гашека в Советском Союзе (выпуск 1925/1926, № 5). Отдельная статья посвящена невероятному успеху русского революционного театра и на родине, и в мире на фоне полупустых залов пражских театров, что объясняется автором статьи «совершенством творчества» (выпуск 1926/1927, № 2). Литературная критика в издании практически отсутствует.

В журнале «Делница света», ввиду вышеуказанного характера издания, были опубликованы лишь «Как читать» Л. Н. Толстого (№ 1–2, 1922) и «Задача культуры» М. Горького (№ 8–9, 1923). В связи с русской литературой следует назвать и материал Ал. Батэка «Как Максим Горький учил себя и своих товарищей читать» (№ 2, 1923).

Публикуются рецензии на следующие произведения: Ф. Сологуб «Тяжелые сны» (№ 10, 1925), в котором автор, будучи великолепным знатоком деревенской жизни, по мнению критика, окончательно бежит от жизни; Вс. Иванов «Голубые пески», которую редакторы рекомендуют «зрелому» читателю, чтобы разобраться в философии фатализма русского писателя и его отношении к революции, ничего

не изменившей на сибирских просторах; Л. Н. Толстой «Детство. Отрочество. Юность», где подчеркивается связь русского писателя с простым народом; В. Г. Короленко «Сибирские рассказы», где вновь акцентируются русский фатализм и патриархальность в условиях нового мира (№ 2, 1926); Чириков «Любовь товарища Муравьева» (№ 4, 1926); М. П. Арцыбашев «Женщина рабыня» (№ 10, 1926) — рецензия необычно объемная, поднимаются проблемы эмансипации и упадка нравов, конец которому положен революцией; А. С. Серафимович «Железный поток», эпопея, интересная чешскому писателю «объективностью» изображения революции (№ 5, 1927); Вс. Иванов «Цветные ветра», здесь критика интересуется в первую очередь революцией в условиях азиатской степи (№ 1, 1928); Л. Сейфуллина «Каин-Кабак» — критик снова подчеркивает неизменность порядков вопреки революции; А. Неверов «Гуси и лебеди», роман, заинтересовавший автора заметки тем, что в добром свете изображает чехов, защищающих население от большевиков; В. Вересаев «В тупике» — отмечается объективность писателя; К. Федин «Трансвааль», по мнению критика, раскрывающий русскую душу (выпуск 1929 г.).

Печатается вдохновленная портретная статья о Есенине (в связи с его кончиной), написанная поэтом Фр. Черновским, постоянным корреспондентом журнала «Делница света», особое внимание им уделяется отходу Есенина от Христа (№ 1, 1926). Публикуется перевод статьи В. Полонского «М. Горький — поэт и человек» (№ 5, 1928). 1928 год завершается в журнале объемной статьей «Русские, которые у нас переводятся» (№ 8, 1928) А. Нигриновой, предпринявшей условную попытку жанровой классификации: анализируется эпопея Серафимовича «Железный поток» с акцентом на кинематографической технике, используемой в повествовании; из литературы о повседневной жизни разбираются произведения Тарасова-Родионова «Шоколад», Леонова «Конец мелкого человека», Либединского «Неделя», Н. Никитина «Взлет», и хотя автор отмечает отсутствие выдающихся художественных качеств в ряде произведений, однако, по ее мнению, и они представляют интерес с точки зрения изображения советских реалий.

В целом можно сказать, что литературная критика в данном периодическом издании, в отличие от многих других, не страдает от нарочитой тенденциозности и стремится к относительной объективности.

ROČNÍK V.

V Praze, dne 15. srpna 1928.

ČÍSLO 4.

ORGÁN PROLETÁRSKÝCH BEZVĚRCŮ

Em. Jaroslavskij:

O Lvu Nikolajeviči Tolstém a „tolstojovcích“.

„Strana musí být ideovým vůdcem v boji se středověkým tmářstvím, v to čítaje i staré náboženství a všechny snahy ho obnovit nebo ho nově založit atd.“

Lenin

Stoleté výročí narození geniálního učenice a filosofa L. N. Tolstého (nar. 28. srpna 1828) nutí nás, bezvěrce, abychom zvláště pozorně zabývali se učením a literárními díly tohoto muže, který je ideovým vůdcem zvláštní náboženské sekty, jež si činí nároky na samostatnost. Fakt, že „hrabě“, bývalý velkostatkář, který mimo Jasnou Poljanu měl ještě pět jiných vesnic a byl majitelem 330 duší, zanechal bohatého života světského a věnoval se kulturně-osvětové činnosti jako učitel jasnopoljanské školy, to že na konci svých dnů vystoupil ostře proti oficiální církvi, proti kapitalistickému vykořisťování, proti vládnímu násilí a pokusil se vlastním příkladem vytvořit vzor mravní dokonalosti — to vše vyzvedlo Tolstého na tak vynikající místo, že i carská vláda s ním musela počítati.

Těžko bylo by najít druhého spisovatele, v jehož charakteru a dílech bylo by soustředěno tolik krajnosti a protikladů, jako u L. N. Tolstého.

O těchto rozporech psal Lenin v září r. 1908 v článku „Lev Tolstoj jako zrcadlo ruské revoluce“:

„Rozpory Tolstého v jeho spisech, názorech, učení, v jeho kole jsou skutečně křiklavé. Na jedné straně geniální umělec, podávající nejen nepozorované obrazy ruského života, ale i prvotřídní díla světové literatury — na druhé straně statkář, blouzník o Kristu. Na jedné straně nápadně mohutný, bezprostřední a upřímný protest proti

společenské lži a falši — na druhé straně „tolstovec“, t. j. schátralý, hysterický vzdychálek, zvaný ruským inteligentem, bídící se veřejně v prsa a říkající: „jsem špatný, jsem bídny, ale pracuji na mravním sebezdokonalování; nejím už maso, živím se rýžovými karbanátky. Na jedné straně nelitostná kritika kapitalistického vykořisťování, odhalování vládních násilností, komedie soudů a státního řízení, odkrývání

celé hloubky rozporů mezi vzrůstem bohatství i vymoženostmi civilizace, a vzrůstem chudoby, zdivočelosti a utrpení pracujících mas, s druhé strany pak — blouznivé kázání o „neodpírání zlu“ násilím. S jedné strany ten nejstřízlivější realismus, strhování masek všeho druhu, — s druhé strany hlásání jedné z nejotravnějších vě-

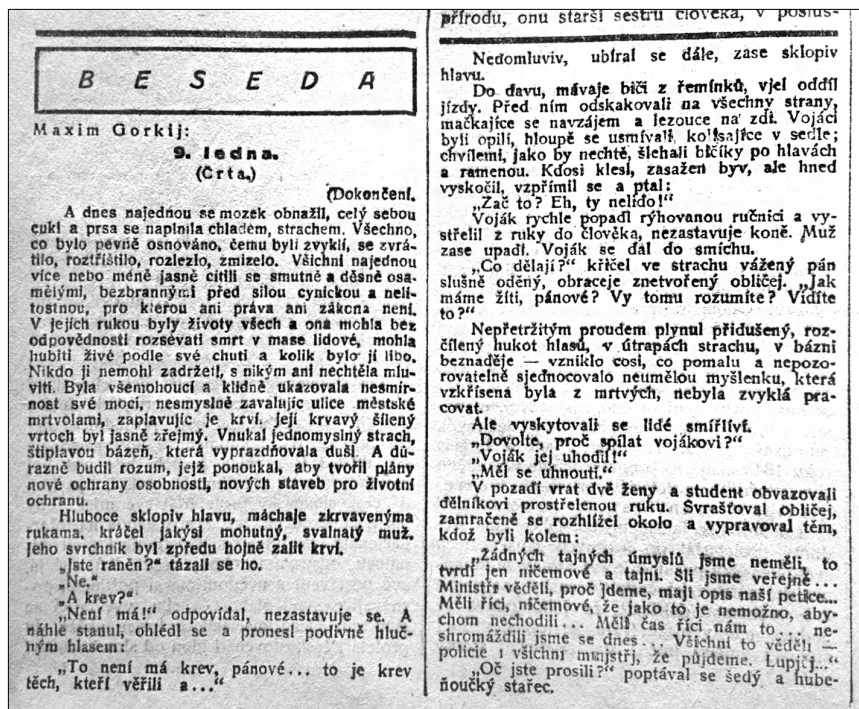
«Маяк», как уже было упомянуто, подобно «Пролеткульту», изобилует переводами русских революционеров (Кропоткина, Бухарина, Ленина и т. д.), о них даются биографические справки, публикуются и другие теоретические работы, статьи о советской экономике, политике. Значительное внимание уделяется советской науке, в частности, например, историку М. Н. Покровскому (15.11.1928). Из художественных произведений публикуется «Церковный староста» П. Майского (01.12.1929).

Литературоведческие заметки и статьи в этом издании исключительно тенденциозны. В 1928 г. (15.09.1928) выходит статья Э. Ярославского о Л. Н. Толстом — наглядная иллюстрация вышеназванного фельетона И. Гауссмана: критик, указывая на недостатки русского гения (например, то, что он, несмотря на сочувствие рабочим, подменял классовую борьбу личным самосовершенствованием), признает его заслуги в создании идейной почвы для крестьянской революции благодаря стремлению уничтожить крупноземельное владение и церковь. В рекомендованной литературе и рецензиях упоминаются следующие произведения: Н. Огнев «Дневник Кости Рябцева» (15.05.1928); Г. Венус «Война и люди» (01.11.1928); И. Евдокимов «Колокола» (при этом писатель называется прозаиком первого ряда) (15.12.1927).

Газета «Социал-демократ» («Комуниста») внимания русской художественной литературе уделяет немного, скорее всего, в первую очередь, ввиду ее труднодоступности в указанные годы в Чехии; тем не менее освещается советская публицистика, даются рецензии на труды Ленина, Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Радека и т. д.

Из художественных переводов опубликованы: М. Горький «Двадцать шесть и одна» (28.01.1921, 04.02.1921), «9-е января» (01, 08, 14 и 29 апреля 1921 г.), «Мордовка» (15, 22, 29 июля и 05 августа 1921 г.), «Случай из жизни Макара» (12, 19, 26 августа, 02 и 09 сентября 1921 г.); А. П. Чехов «Палата номер шесть» (11, 18, 25 февраля, 04, 11, 18, 25 марта и 01 апреля 1921 г.); А. Немовский «Птица, или Тайная типография» (сб. «Революционные новеллы») (07.10.1921); Г. Гершуни «В Петроград» (сб. «Революционные рассказы») (14.10.1921).

Опубликованы: рецензия на работу А. Луначарского «Культурные задачи рабочего класса» (05.09.1919), где критик проводит параллели между Луначарским и Ницше; переводы произведений

М. Горького «Рабочим всех стран» (26.09.1919) и «Худший враг» (03.10.1919).

Из критических работ русской литературы посвящена статья «Мережковский или Маркс?», где автор, В. Копецки, опровергает тезис первого о том, что бы было, если бы люди были всемогущи, выступает против его западничества и говорит, что понять большевиков можно, только прочтя Тургенева, Толстого и Достоевского, но сначала усвоив идеи Маркса; по его мнению, Мережковский не понимает, что буржуазия — класс наименее значимый для культуры, а Россия это поняла (28.11.1919).

Публикуется статья Б. Суварина «Максим Горький» (26.11.1920), рассказывающая о литературно-редакторской деятельности писателя и его попытках примирить меньшевиков с большевиками.

25 января 1921 г. выходит заметка о пролетарском искусстве в России, где говорится, что поэт Э. Верхарна, по которому в Праге

недавно сделали нашумевшую постановку, в России читают и пропагандируют, распространяя тем самым литературу «интеллигентскую» — за неимением собственной литературы рабочего класса.

13 мая 1921 г. выходит статья Вайля об эмигрантской литературе, которую тот называет убогой — от Андреева до Бальмонта — и неспособной выдавать ничего, кроме нудных фельетонов, в то время как в России качество литературы растет, создаются массовые пролетарская поэзия, театр, наука, а «буржуазные инвалиды» Бунин, Куприн и А. Толстой уходят на второй план.

2 сентября 1921 г. появляется короткий некролог на смерть А. Блока, где поэт назван волшебником слова, передавшим глубокий смысл революции, и одним из трех-четырех величайших русских поэтов.

18 ноября 1921 г. выходит статья по случаю годовщины со дня смерти Л. Н. Толстого, «борца за мужика», чьи труды по большей части были запрещены, но подготовили революцию.

Из тех российских авторов и произведений, которые были опубликованы в периодике левой направленности, и сейчас остаются широко известными лишь избранные. Выбор одних, на наш взгляд, был обусловлен экзотичностью содержания и особенностями быта, например посвященных Киргизии или Дальнему Востоку. Других — преследуемыми целями пропаганды вне зависимости от художественного уровня, что, впрочем, признавалось и самими редакторами. Подводя итоги, в целом мы можем сказать, что наиболее часто публикуемыми и известными в Чехии авторами на протяжении 1920-х гг. являются следующие:

А. Блок: его поэзию и критические заметки о нем публиковали в «Руде право», особенно после смерти поэта в 1921 г. Тогда же состоялось отдельное издание поэмы «Двенадцать» в переводе будущего нобелевского лауреата Ярослава Сейферта, а в 1924 г. был опубликован перевод Богумила Матезиуса. Чешские критики ставят Блока в один ряд с Маяковским, Кирилловым и Гастевым. Будучи самым известным революционным поэтом, он старается проникнуть к иррациональным корням революции, что подробно анализируется в чешской периодике. Блок предстает не столько как великий символист, сколько борец и пророк революции. Также в «Руде право» освещается приезд друга Блока Андрея Белого, где делается акцент на то, что приезжает он не как эмигрант, но как гость. И Белый, и Блок представляются защитниками советской культуры от белой эмиграции.

Так же как и в случае с Блоком, большая часть критики о **С. Есенине**, равно как и сборники его поэзии, выходит только после смерти поэта: сначала стихотворения «О России и революции» (1926), потом поэмы «Иная земля» (куда вошли «Инония», «Песнь о великом походе» и «Анна Снегина»; 1927). В этих книгах (в переводах Матезиуса и Горы) практически не представлено раннее дореволюционное творчество, в чем критики либерального лагеря упрекали составителей. Общее место левой критики заключается в том, что Есенин, по их мнению, был призван воспевать идею революции ее движение и подъем, но трагическая смерть оборвала его путь; в худшем случае его обвиняли в идеологической несознательности. Высоко оцененный Вайлем **Клюев** также был знаком чешскому читателю, но его сборник «Песни об избе» вышел позже, в 1928 г.

Одним из самых известных советских поэтов был **В. Маяковский**, из всех футуристов он традиционно считался самым талантливым. Впрочем, католические критики, признавая его талант, крайне негативно отзывались о его поэзии как демонстрации дурновкусия и разложения нравов. Вайль при анализе его творчества отметил, что если в «Мистерии буфф» Маяковский создал новую драму, то в «150 000 000» представляет новую эпопею, выражающую единственное чаяние русского и европейского пролетариата — революцию. «150 000 000» отдельной книгой вышли в 1925 г. в переводе Матезиуса.

С В.Г. Короленко наблюдается та же самая тенденция — особое внимание ему стало уделяться после смерти в 1921 г. В том же году вышел отдельной книгой его «Слепой музыкант» и многие критические статьи, а в следующем — сборник рассказов «Ночью». Несколько статей о писателе вышло в «Пролеткульте», примечательно, что там подчеркивается притворность западных СМИ в их соболезнованиях. Короленко, с одной стороны, выступает как писатель, принявший революцию, поскольку именно она представляется единственным спасением от нищеты, и с другой — как учитель Горького, также отмечается большая роль Короленко в дореволюционной и послереволюционной литературе.

Особое место занимает в «левой» периодике **Троцкий**. В газете «Руде право» опубликовали целиком — что случалось чрезвычайно редко — его книгу «Октябрьская революция», которая следом, в 1921 г., вышла и отдельным изданием. Публикуются и его другие сочинения, в том числе литературная критика. В статьях о нем и его

взглядах дается исключительно положительная оценка, авторы не скрывают своего восхищения.

Бесспорным лидером по количеству переводов как художественных, так и критических произведений в совокупности, а также трудов и заметок о нем, пожалуй, все-таки является **Максим Горький**, чье мнение о тех или иных литературных явлениях советской России воспринимается как неоспоримое.

Большую роль в становлении левой литературной критики о русской литературе сыграл Иржи Вайль, один из главных ее исследователей, опубликовавший не одну обзорную статью по советской литературной и, шире, культурной жизни. По сравнению с другими влиятельными левыми критиками, Й. Горой и М. Майеровой, в 1920-е гг. И. Вайля, пожалуй, можно назвать самым радикальным. При оценке творчества писателей он исходит прежде всего из факта, как тот принял революцию, а революционное их творчество считал наиболее сильным (высказывания Майеровой в этом смысле гораздо мягче и аккуратнее). С течением времени Вайль смягчится, пересмотрит свое отношение после своей поездки в СССР, но это будет уже в 1930-е гг. (см. его роман «Москва-граница», за который он подвергся нападкам со стороны убежденных чешских коммунистов). Именно Вайль издает первую монографию о русской пореволюционной литературе. Всего в 1920-е гг. выходит три таких труда: И. Вайль «Русская революционная литература» (1924), Ф. Кубка «Поэты революционной России» (1924) и А. Врзал «Русская литература XX в.» (1926) — все три представляют разные направления литературной критики. Кубка — ориентирован скорее националистически, а Врзал — представитель консервативно-религиозного взгляда на литературу. Политическая ориентация отразилась и в их трактовке творчества русских авторов.

Исследования периодики будут продолжены и на примере изданий с иными политическими ориентациями, благодаря чему будет высвечен разительный контраст как в выборе произведений для перевода, так и критического анализа. Такая работа уже проделана автором настоящих строк на материалах, связанных с С. А. Есениным и принесла достойные внимания результаты². В них Есенин пред-

² См.: Амелина А. В. Восприятие С. А. Есенина чешской критикой 1920-х гг. в контексте многообразия ее политических взглядов // Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха. М.—Константиново—Рязань, 2016. С. 516–527; Амелина А. В. Восприятие С. А. Есенина в Чехии в 1930-е гг. // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Ч. II. М.—Константиново—Рязань, 2017. С. 104–114.

стает и как борец с советским режимом, и как националист, и как революционер-коммунист — все это снова и снова возвращает нас к приведенному в начале фельетону И. Гауссмана.